

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ (*NULLUM CRIMEN SINE LEGE*) В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Таваккалов Мухаммадазиз Икболжон угли

Студент магистратуре Ташкентского Государственного
Юридического Университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19852899>

Аннотация

В настоящем исследовании рассматривается содержание и юридическая природа принципа законности (*nullum crimen sine lege*) как одного из фундаментальных начал международного уголовного права. Анализируются международно-правовые источники закрепления данного принципа, специфика его функционирования в условиях отсутствия универсального международного уголовного кодекса, а также противоречия между требованиями формальной определенности и необходимостью пресечения тяжчайших международных преступлений. Особое внимание уделяется судебной практике Международного военного трибунала в Нюрнберге, Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде, Европейского суда по правам человека и Международного уголовного суда. Обосновывается вывод о том, что современное международное уголовное право демонстрирует переход от классической формулы *nullum crimen sine lege* к более гибкой конструкции *nullum crimen sine iure*, основанной на совокупности договорных, обычных и судебно-интерпретационных норм.

Ключевые слова: международное уголовное право, принцип законности, *nullum crimen sine lege*, международный обычай, международные трибуналы, Римский статут, уголовная ответственность.

Введение

Принцип законности издавна признается одной из основ уголовной юстиции, выражая идею невозможности уголовного наказания без предварительного правового запрета. В классическом понимании данный принцип включает несколько взаимосвязанных элементов: отсутствие преступления без закона (*nullum crimen sine lege*), отсутствие наказания без закона (*nulla poena sine lege*), запрет аналогии уголовного закона и недопустимость его обратной силы. На национальном уровне указанные положения являются необходимым условием правовой определенности и защиты личности от произвольного вмешательства государства.

Однако в международном уголовном праве реализация принципа законности осложняется самой природой международной правовой системы. Международное сообщество длительное время не обладало единым кодифицированным уголовным законодательством, а уголовно-правовые запреты формировались постепенно посредством международных конвенций, обычных норм и судебной практики. Вследствие этого возникает объективный научный вопрос: в какой мере международное уголовное право способно обеспечить соблюдение принципа законности в его классическом, позитивистском понимании.

Особую значимость данный вопрос приобрел после закрепления статьи 22 Rome Statute of the International Criminal Court, которая прямо установила, что лицо не подлежит уголовной ответственности, если в момент совершения деяния оно не составляло преступление, входящее в юрисдикцию Суда, а само определение преступления должно толковаться строго и не может расширяться по аналогии. Несмотря на это, международная судебная практика продолжает демонстрировать, что одного лишь формального текста закона недостаточно для полноценного функционирования международной уголовной юстиции.

1. Международно-правовые основы принципа законности

Принцип законности получил закрепление в универсальных и региональных международных актах, посвященных защите прав человека. Так, статья 11(2) Всеобщей декларации прав человека 1948 года устанавливает, что никто не может быть осужден за деяние, которое во время его совершения не составляло преступления по национальному или международному праву. Аналогичное положение содержится в статье 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и статье 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В международном уголовном праве наиболее полное нормативное выражение принцип законности получил в Part III Rome Statute of the International Criminal Court. Помимо статьи 22, закрепляющей *nullum crimen sine lege*, статья 23 содержит правило *nulla poena sine lege*, а статья 24 устанавливает принцип неетроактивности уголовной ответственности.

По справедливому замечанию William A. Schabas, данные положения представляют собой первую в истории международной уголовной юстиции попытку системно превратить принцип законности из абстрактного правового идеала в непосредственно применимую норму международного судебного процесса.

Следовательно, на современном этапе международное сообщество формально признает законность не просто доктринальным ориентиром, а обязательным процессуально-материальным стандартом.

2. Специфика международного уголовного права как источник проблемы законности

Несмотря на нормативное закрепление, принцип законности в международном уголовном праве сталкивается с объективным системным противоречием. В национальном правопорядке уголовный закон является результатом централизованной законодательной деятельности государства. Международное же право не располагает единым мировым законодателем, а его источники носят децентрализованный характер.

Согласно статье 21 Rome Statute, Международный уголовный суд применяет:

- сам Статут;
- элементы преступлений;
- международные договоры;
- принципы и нормы международного права;
- общие принципы права, выведенные из национальных правовых систем.

Это означает, что международная уголовная ответственность может базироваться не только на четко сформулированном договорном запрете, но и на обычных нормах, судебных интерпретациях и общих принципах.

Именно здесь возникает фундаментальная коллизия: если преступность деяния определяется не исключительно текстом закона, а более широкой совокупностью международно-правовых источников, то классическая формула *nullum crimen sine lege* в ее буквальном понимании неизбежно ослабляется.

В научной литературе это явление обозначается как переход от **формального легализма** к **материальной международной правовой запрещенности**, то есть от закона как единственного основания уголовной ответственности к праву как совокупности признанных международным сообществом нормативных предписаний.

3. Нюрнбергский трибунал: начало международной дискуссии о ретроактивности

Проблема законности впервые приобрела глобальный масштаб в ходе деятельности Nuremberg Trials. Руководители нацистской Германии были привлечены к ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Однако защита последовательно утверждала, что по крайней мере две из указанных категорий не были достаточно определенно кодифицированы до момента совершения соответствующих деяний.

Особенно спорным являлось обвинение в преступлениях против мира, поскольку индивидуальная уголовная ответственность за развязывание агрессивной войны до 1945 года прямо не предусматривалась каким-либо международным уголовным кодексом. Тем не менее Трибунал пришел к выводу, что противоправность агрессии уже вытекала из Kellogg–Briand Pact, Гаагских конвенций и общепризнанных законов, и обычаев войны. По существу, Нюрнбергский трибунал сформировал революционный тезис: отсутствие детальной уголовной формулировки не освобождает от ответственности, если деяние по своему характеру уже признавалось международным сообществом как вопиюще противоправное.

Именно здесь международная уголовная юстиция впервые пожертвовала абсолютной формальностью принципа законности ради идеи исторической справедливости и неотвратимости наказания за массовые злодеяния.

4. Развитие доктрины предсказуемости в практике ad hoc трибуналов

Новый этап эволюции принципа законности связан с деятельностью International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia и International Criminal Tribunal for Rwanda.

В деле *Prosecutor v. Duško Tadić* Апелляционная палата ICTY признала, что отсутствие исчерпывающей письменной кодификации не исключает уголовной ответственности, если запрет соответствующего деяния вытекает из международного обычая и обладает достаточной степенью определенности. Ключевым критерием была названа **reasonable foreseeability** — разумная предсказуемость для лица того, что его поведение является международным преступлением. Сходный подход был применен в деле *Prosecutor v. Akayesu*, где ICTR признал возможность уголовного преследования за геноцид и связанные формы сексуального насилия, несмотря на отсутствие детализированной международной кодификации отдельных способов его совершения.

Таким образом, ad hoc трибуналы выработали новую формулу:

для соблюдения принципа законности в международном уголовном праве достаточно не только наличия формального закона, но и существования объективно распознаваемого международно-правового запрета. Данная концепция существенно сместила акцент с текста закона на степень международной правовой очевидности преступности деяния.

5. Международный уголовный суд: кодификация и ее пределы

Создание International Criminal Court было направлено на устранение правовой неопределенности, присущей прежним трибуналам. Римский статут подробно определил четыре категории core crimes:

- геноцид;
- преступления против человечности;
- военные преступления;
- преступление агрессии.

Статья 22 Статута прямо требует строгого толкования состава преступления и запрещает расширение уголовной ответственности по аналогии.

Однако особый интерес представляет пункт 3 статьи 22, согласно которому данная статья «не затрагивает квалификацию любого деяния как преступного по международному праву независимо от настоящего Статута». Это означает, что даже в условиях кодифицированного международного судебного механизма Суд оставляет пространство для обращения к внешним источникам международного права. Следовательно, Римский статут не устранил полностью доктринальную зависимость от международного обычая, а лишь ограничил ее.

На практике это особенно заметно в современных расследованиях ICC, где обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности формулируются на основе комплексного толкования Женевских конвенций, обычного гуманитарного права и положений Статута.

6. Практика Европейского суда по правам человека и гуманизация принципа законности

Существенное влияние на международное уголовное право оказала и практика European Court of Human Rights. В ряде решений Суд сформулировал, что статья 7 Европейской конвенции не требует исключительно буквального существования национального уголовного закона, если преступность деяния могла быть разумно выведена из действующего международного права и судебной практики. Наиболее показательным является дело *Kononov v. Latvia*, в котором ЕСПЧ признал допустимым осуждение за военные преступления, совершенные в период Второй мировой войны, исходя из того, что соответствующие деяния уже на тот момент запрещались законами и обычаями войны. Данная позиция усилила общеевропейскую тенденцию: приоритет отдается не формальному наличию кодекса, а юридической предсказуемости и морально-правовой очевидности запрета.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что принцип *nullum crimen sine lege* в международном уголовном праве сохраняет свое фундаментальное значение, однако его содержание не совпадает с классической национально-уголовной моделью. Отсутствие единого международного законодателя, множественность источников

международного права и историческая необходимость пресечения массовых преступлений обусловили формирование особой, более гибкой концепции международной законности.

Международная уголовная юстиция последовательно эволюционировала от спорного ретроактивного опыта Нюрнберга к доктрине предсказуемости *ad hoc* трибуналов и далее к частично кодифицированной, но все же смешанной модели Международного уголовного суда. В результате современное международное уголовное право фактически оперирует не столько формулой *nullum crimen sine lege*, сколько более широкой конструкцией *nullum crimen sine iure*, допускающей уголовную ответственность на основе совокупности договорных, обычных и общепризнанных судебных норм.

Именно такая трансформация отражает современную задачу международного уголовного права: обеспечить баланс между правовой определенностью для обвиняемого и недопустимостью безнаказанности за преступления, затрагивающие интересы международного сообщества в целом.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Rome Statute of the International Criminal Court, 17 July 1998.
2. Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948.
3. International Covenant on Civil and Political Rights, 16 December 1966.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 4 November 1950.
5. Charter of the International Military Tribunal, London, 8 August 1945.
6. Prosecutor v. Tadić, ICTY Appeals Chamber Judgment, 15 July 1999.
7. Prosecutor v. Akayesu, ICTR Judgment, 2 September 1998.
8. Kononov v. Latvia, European Court of Human Rights, Judgment of 17 May 2010.
9. Schabas W.A. *The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute*. Oxford University Press, 2016.
10. Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2013.
11. Lamb S. “Nullum Crimen, Nulla Poena Sine Lege in International Criminal Law.”
12. Rauter T. *Judicial Practice, Customary International Criminal Law and Nullum Crimen Sine Lege*. Springer, 2017.
13. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge University Press, 2019.